

Ставропольская Духовная Семинария в 1946-1960 годах

2011-03-23 09:10:33 Ву Шишкин Евгений, священник

На момент своего возрождения в 1943 г. Ставропольская епархия, как и вся Русская Православная Церковь, переживала сильный кадровый голод. На общецерковном уровне вопрос о восполнении кадров священнослужителей был поставлен ещё 4 сентября 1943 г. Вскоре после этого была открыта первая духовная школа в Советском союзе – Православный Богословский Институт в Москве. 15 декабря 1943 г. в очередном номере Журнала Московской Патриархии были опубликованы правила приема в институт и на пастырские курсы. Это стало сигналом для епархий.

В ближайший месяц архиепископу Ставропольскому и Пятигорскому Антонию было подано 2 заявления от желающих поступить на курсы. 17 января 1944 г. в беседе с инспектором Совета по делам Русской Православной Церкви Митиным он высказывал пожелание открыть богословские курсы в г. Ставрополе. Владыка сообщал, что преподавательским составом и литературой курсы могут быть обеспечены. Единственной проблемой оставалось отсутствие помещения[i].

Однако вопрос о создании сети духовных учебных заведений был решён лишь 15 марта 1945 г.: Сталин одобрил проект открытия пастырских курсов в Ленинграде, Киеве, Минске, Одессе, Луцке, Львове, Саратове и Ставрополе[ii]. 22 марта Постановлением СНК СССР Патриархии было разрешено организовать двухгодичные Богословско-Пастырские курсы в г. Ставрополе на 25-40 человек[iii]. 10 апреля состоялась встреча Сталина с Патриархом Алексием, митрополитом Николаем и протопресвитером Николаем Колчицким, на которой обсуждался и вопрос о системе духовного образования, а через день Священный Синод, в заседании которого участвовал и архиепископ Антоний (Романовский)[iv], принял постановление о необходимости открыть Пастырско-Богословские курсы в Ленинграде, Киеве, Одессе, Минске, Луцке, Саратове, Ставрополе, Львове: □ Предложить Преосвященным названных Епархий озаботиться в скорейшем времени о подыскании преподавательского персонала для курсов и помещений для курсов и общежития при них □ [v].

В июле 1945 г. на Ставрополье началась подготовка к открытию будущей семинарии. По Ставропольской епархии (включая республики Северного Кавказа и Азербайджан) через благочинных были даны объявления о наборе на курсы. Для накопления средств архиепископ сделал приблизительную разверстку по мощности каждого прихода. Курсовой фонд достигал полумиллиона[vi]. Главной и почти неразрешимой проблемой оставалось отсутствие помещений. Здание при Крестовоздвиженском храме г. Ставрополя, где служил архиепископ Антоний, сильно пострадало в период немецкой оккупации, и для его ремонта требовалось 10 тыс. штучного камня. Возможно, поэтому осенью на запросе Совета о деятельности богословско-пастырских курсов краевой уполномоченный Н. А. Чудин сделал пометку: □ курсы

не существуют [vii], а в очередном информационном докладе с торжеством сообщал, что [viii] мероприятие подготовки кадров духовенства в гор. Ставрополе полностью провалилось [viii].

Тем не менее, уже в начале 1946 г. архиепископ Антоний сообщил Чудину, что намерен летом возобновить набор курсантов, а осенью начать занятия. И сослался на слова Патриарха: [ix] правительственное постановление надо выполнить [ix], – такая постановка вопроса оказалась неожиданностью для работников Совета (в этом месте на полях отчета стоит большой знак вопроса)[ix].

Для реализации нового проекта реконструкции помещений при Крестовоздвиженском храме требовалось три вагона досок и вагон круглого леса. В частном письме Патриарху Алексию I от 18 марта 1946 г. архиепископ Антоний сообщал: [x] ...Второй вопрос, каким занята епархия – это открытие Паст. Богословских курсов в Ставрополе. По идеи дело хорошее и для меня интересное, но как оборудовать практически, [xi] не доумеем то [xi]. Помещения нет подходящего. В прошлое лето нам удалось наспех отремонтировать две комнатки, но в них можно только произвести начальные испытания и кормить курсантов, а для занятий и для помещения зданий нет и нет. Пытаемся отремонтировать бывшие покои викарного епископа, но большое затруднение встречаем с лесоматериалом. Место степное и леса для стройки достать трудно. Собрал ½ мил. средств, но, оказывается, этих средств не достаточно... Я уже думаю над тем, не лучше ли перенести открытие курсов из Ставрополя в Краснодар, как город более близкий к лесному Черноморскому побережью, да и сама то Куб. епархия более материально состоятельная, чем Ставропольская. На этот счет хотел бы знать мнение Вашего Святейшества [xii]. Недели раньше он официально обратился к Патриарху с просьбой поддержать его ходатайство о получении необходимого лесоматериала, [xiii] в котором на месте отказывают [xiii]. Благодаря содействию Святейшего Патриарха примерно через месяц эта проблема, наконец, была решена: инструктивным письмом от 20 апреля 1946 г. Совет по делам Русской Православной Церкви предписывал уполномоченному поставить вопрос о выделении стройматериалов перед Крайисполкомом. Далее в документе подчеркнута красным: [xiv] И если последний не может удовлетворить ходатайство архиепископа, то следует разрешить вопрос о предоставлении под Богословско-Пастырские курсы другого соответствующего помещения [xv]. До предоставления Церкви [xvi] другого помещения [xvi] дело не дошло: перестройка церковного здания продолжилась.

К концу осени 1946 г. трудности по реконструкции помещений и организации учебного процесса удалось преодолеть, и 15 ноября 1946 г., за 10 дней до 100-летнего юбилея, состоялось второе в истории торжественное открытие Ставропольской Духовной Семинарии[xvii].

По результатам вступительных экзаменов на 1 курс было зачислено 25 человек (документы подавали 44 человека), но лишь 11 из них остались к концу учебного года[xviii]. Помимо обычных отчислений, такое различие объясняется интересной особенностью списка

□ допущенных к приемным испытаниям □. В нём Уполномоченный делал пометки красным карандашом: □ √ □ - □ зачислены □, □ о □ - □ отведены □. Из 24 человек 9 (!) отмечены знаком □ о □, и в списке оставшихся к концу учебного года их фамилий уже нет[xv].

Подобное соотношение тех, кто захотел поступать, и тех, кто смог учиться в семинарии, неоднократно повторялось и в дальнейшем. Немалые сложности доставляли также массовые призывы в армию: в 1947/48 уч. г. было призвано 4 человека[xvi], в 1950/51 – 8 человек[xvii]. Если кому-то требовалось увольнение с работы, могли возникнуть другие сложности. Вот фрагмент □ жалобы □ Николая Носко, пытавшегося выйти из колхоза для поступления в семинарию: □ товарищ Бережной И. Я. как председатель колхоза не принял от меня никаких документов, выгнал из кабинета и в присутствии посторонних лиц, сопровождая нецензурными словами, полными негодования и презрения к Святой Православной Церкви и Ее последователям □. В похожих ситуациях оказывались и студенты, уходившие в семинарию из института: из партийных ячеек специально назначались люди для □ идеологической работы □ с ними[xviii]. В апреле 1951 г. в Ставропольской Духовной Семинарии обучалось всего 20 студентов[xix].

8 февраля 1951 г. Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей I писал архиепископу Антонию: □ Вопрос о семинарии Вашей стоит довольно остро: мне говорили, что Ваше Преосвященство сами не прочь упразднить дорого стоящую семинарию в г. Ставрополе. Можно перевести учеников в другие семинарии, – в Одесскую, например, где имеется большое помещение. А преподавателям места найти тоже можно. Надо об этом подумать и решить вопрос к будущему учебному году □ [xx].

Однако действия Ставропольского архиепископа в это время были направлены на сохранение духовной школы. Сохранился текст циркулярного распоряжения по Ставропольской епархии, разосланного владыкой в тот же самый день – 8 февраля: □ С получением сего, предлагается Вам теперь же озаботиться, в районе своего благочиния, приисканием и подготовкой к будущему учебному году достойных по настроенности и развитию кандидатов для поступления в 1-й класс Духовной Семинарии в возрасте не моложе 18 лет и до 30, ознакомив их заранее с условиями поступления и теми программами, какие Вам неоднократно высылались для распространения среди духовенства Вашего благочиния. Отсутствие кандидатов в Епархии ставит духовную Семинарию в затруднительное положение: Правление Семинарии, чтобы не остаться совсем без кадров, вынуждено бывает принимать в 1-й класс учеников иноепархиальных или совершенно случайных лиц, совсем без всякой подготовки, что потом вызывает большие трудности при обучении их в семинарии □ [xxi].

Что же касается материального обеспечения Ставропольской Духовной Семинарии в 1940-е гг., надо учесть, что она открывалась в условиях послевоенного голода, при отсутствии централизованного финансирования. Денежные затраты епархии были действительно немалыми. Ректор протоиерей Иоанн Богданович по окончании первого учебного года писал в отчёте: □ Необходимо отметить большие трудности, с которыми сопряжены изыскание и

заготовка продуктов питания и строительных материалов, а также и транспортировка их из отдалённых районов Ставрополя. Всё это приходится приобретать или в коммерческих магазинах, или с рынка, поскольку фондовыми продуктами и материалами Семинария не располагает. Большими накладными расходами ложится стоимость их доставки наёмным автотранспортом □ (общая сумма расходов по семинарии, составлявшей тогда всего один курс, за 1946/47 уч. г., начавшийся в середине ноября, составила 227142,5 руб.)[xxii].

В связи с этим питание семинаристов поначалу было довольно скудным. Архиепископ Антоний, чтобы решить эту проблему, распределил между настоятелями крупных приходов, кому какие продукты привозить в семинарию[xxiii].

Отеческая забота Ставропольского архипастыря распространялась не только на питание семинаристов. До 1953 г. Ставропольская Духовная Семинария полностью находилась на епархиальном обеспечении. В этой связи интересна позиция владыки по вопросу денежных пособий семинаристам. В 1952/53 уч. г. на педсовете было принято решение изменить порядок выдачи стипендий: ежемесячно выдавать каждому по 25 рублей, а остальные деньги (2/3 стипендии) оставлять до ближайших каникул[xxiv]. Архиерей наложил такую резолюцию: □ Не следует менять установившейся практики выдачи ученикам стипендий. Все ученики не детского возраста и сумеют распорядиться деньгами каждый на свои нужды □ [xxv]. Как выяснилось позднее из бесед с выпускниками Ставропольской Духовной Семинарии, он сам давал им деньги □ на проезд □ в сумме, равной четырём полным стипендиям[xxvi]. Кроме того, во время рождественских, пасхальных и летних каникул владыка направлял их на приходы для прохождения богослужебной практики[xxvii], сопровождая соответствующим письмом настоятелю, в котором просил хорошо принять студента и материально ему помочь[xxviii]. Некоторым студентам он сам в течение учебного года давал деньги на одежду, обувь и другие необходимые вещи. По свидетельству протоиерея Иоанна Шестакова, не было ни одного семинариста, которого бы Владыка не облагодетельствовал в годы его учебы[xxix].

Согласно постановлению Священного Синода от 12 апреля 1945 г., не только материальное обеспечение духовных школ, но и подбор преподавателей лежал на плечах правящих архиереев. Что это могло означать, мы видим из секретного доклада профессора Ленинградской Духовной Академии протоиерея Александра Осипова. Руководствуясь элементарной логикой, он писал, что из всех 8 семинарий □ слабейшими оказались Ставропольская и Саратовская. Здесь в большинстве своем преподавателями явились местные священники, больше заботящиеся о своих приходах и учебе отдававшие время – если останется □ [xxx]. Однако в случае со Ставропольской Духовной Семинарией □ осведомителя □ подвела его собственная неосведомленность: в 1951 г. преподавательскую корпорацию Ставропольской Духовной Семинарии составляли выпускники всех 4-х Императорских Духовных Академий. В священном сане, кроме ректора и духовника, состоял только один преподаватель – архимандрит Амвросий (Богданов), бывший благочинный патриарших церквей Северного Кавказа. Традиционная для Кавказских духовных школ Казанская Духовная Академия была представлена инспектором семинарии – А. И. Преображенским, имевшим

огромным стажем преподавания как в средних, так и в высших светских учебных заведениях[xxxii]. Секретарём Правления Семинарии был выпускник Московской Духовной Академии П. Евладов. Преподаватели А. И. Самуйлович и З. Е. Хаинский были выпускниками Санкт-Петербургской Духовной Академии, Н. Ф. Троепольский – Киевской Духовной Академии. Все они имели учёные степени кандидатов богословия, а выпускник Петроградской Духовной Академии преподаватель Харламов был в своё время оставлен при ней магистрантом (защитить свою вторую диссертацию ему не позволили революционные события в стране)[xxxiii]. Более того, упомянутый в докладе самого же Осипова среди коллег по профессорско-преподавательской корпорации доцент Ленинградской Духовной Академии И. И. Зеленецкий[xxxiiii] тоже был незадолго перед этим преподавателем Ставропольской Духовной Семинарии[xxxiv].

Архиепископ Антоний тщательно следил за тем, чтобы □ от сохи взятые □ (как он называл малоцерковленных юношей аграрного региона[xxxv]) пастыри осмысленно восприняли христианскую традицию. Например, когда на Педсовете было принято решение о том, чтобы ввести за обедом чтение преподавателями творений Святых Отцов[xxxvi], Владыка в своей резолюции заметил: □ Гораздо назидательнее было для учеников, если бы избранные места из Творений Св. Отцов читались преподавателями не в столовой, а в классе по воскресным дням – в любой час, когда внимание их не занято принятием пищи и они могли свободно отдаться для слушания читаемого. Кроме того, в классе преподаватель мог предложить одному из лучших учеников пересказать прочитанное и попутно сделать свои примечания, свои выводы, тогда как чтение в столовой – одна бездушная внешняя формальность... □ (интересна реакция Педагогического Собрания – указание Владыки выполнили, но и чтения святоотеческих творений вместо житий святых за обедом тоже сохранили)[xxxvii].

Сформировать круг чтения семинаристов для провинциальной духовной школы в те годы тоже было нелегко. Библиотека семинарии собиралась буквально по крупицам: свободно купить можно было только художественную литературу, и книги богословского содержания приобретали из частных собраний. Даже размножить составленные преподавателями конспекты стоило больших трудов: каждая печатная машинка регистрировалась органами госбезопасности, и в семинарии их было всего две. Более того, ещё в 1948 г., когда семинарская библиотека только начала комплектоваться, уполномоченный дал указание изъять из неё и уничтожить книги и отдельные статьи из сборников, □ не соответствующие по своему содержанию требованиям настоящего времени □ [xxxviii]. В списке сожжённой литературы, например, можно увидеть сборник проповедей святого праведного Иоанна Кронштадтского.

Распорядок дня Ставропольской Духовной Семинарии составлялся с учётом ежедневного посещения церковных богослужений[xxxix]: семинаристы читали на клиросе и прислуживали в алтаре. На Всенощных бдениях они составляли левый клирос; самостоятельно семинарский хор всегда пел за ранней Божественной Литургией[xl].

Позднее и. о. Секретаря Учебного Комитета Л. Н. Парийским по итогам ревизии Ставропольской Духовной Семинарии отмечал: «внимание Архиепископа Антония устремлено по преимуществу на углубление в Семинарии пастырского, аскетического настроения. Архиепископ Антоний – враг всякой роскоши, всех расходов на внешнюю, показную сторону. Положительное, благотворное влияние этого направления – несомненно. Сам Архиепископ живет на глазах у всех, в весьма скромных бытовых условиях; его примеру следуют Ректор и Инспектор. На этих жизненных примерах воспитанники Семинарии приучаются к скромной жизни, ожидающей их в будущей пастырской деятельности» [xli]. Действительно, в слове по случаю 110-летия со дня основания и 10-летия со дня восстановления Ставропольской Духовной Семинарии владыка Антоний говорил: «Украшением духовной школы должны быть не здания и обстановка, не показной блеск и наружный эффект, а дух учебного заведения, религиозность, скромность, трудолюбие воспитанников, их всецелая преданность делу Христову» [xlii].

Тем не менее, 1950-е гг. стали временем значительного роста Ставропольской Духовной Семинарии. Если в 1951 г. по малочисленности студентов поднимался вопрос о её закрытии, то теперь число учащихся стало быстро расти. Если в 1950 г. было подано 12 заявлений и поступили 6 человек, то в 1951 г. – 27 заявлений и 14 человек, в 1952 г. – 39 заявлений и 12 человек, а в 1953 г. 49 заявлений и 20 человек соответственно [xliii]. Общее количество учащихся теперь достигло 41 человека [xliv]. По подсчётам уполномоченного, с 1946 по 1953 г. в Ставропольскую Духовную Семинарию всего было принято 135 чел., выпустились 35. Более 60-ти (почти 50%) за это время выбыли по разным причинам [xliv].

Год смерти Сталина принёс заметные перемены. Для системы духовного образования это проявилось, прежде всего, в активизации деятельности Учебного Комитета. Кроме того, изменился порядок финансирования духовных школ: затраты на духовные учебные заведения были распределены между всеми епархиями Русской Православной Церкви. Летом 1954 г. в отчете Правления Ставропольской Духовной Семинарии впервые появилась запись: «Источники покрытия этих расходов (на общую сумму 683 784 руб.) были средства, отпущенные Хозяйственным Управлением при Московской Патриархии» [xlvi].

На Ставрополье перемены 1953 г. проявились также в назначении нового уполномоченного Совета по делам Русской Православной Церкви И. Фёдорова [xlvii] и нового руководства Семинарии. Ректором и инспектором были назначены протоиерей Михаил Рудецкий и Д. П. Огицкий – выпускники Варшавского и Бухарестского университетов, имеющие учёные степени магистров богословия. До 1939 г. они проживали в Румынии и Польше, а с 1939 г. – в Западной Украине и Белоруссии. Ректор в беседе с уполномоченным заявил, что «поставил целью сделать семинарию одной из лучших в патриархии, увеличить состав учащихся, улучшить их качество, добиться, чтобы в семинарии в основном училась молодёжь с образованием не ниже 7 классов» . Инспектор был с ним единомыслен [xlviii].

Характеризуя общую линию новых ректора и инспектора по преобразованию Ставропольской Духовной Семинарии, Фёдоров писал: « Вся учебная и воспитательная работа в семинарии направлена на то, чтобы выпустить не только служителя культа, но и активного проповедника, умело приспособляющегося к окружающей обстановке » [xliv]. Теперь, наряду с житиями святых и творениями Отцов Церкви, во время трапезы в семинарии преподаватели читали отдельные статьи из газет, по выбору ректора или инспектора. Семинаристы группами по 20-25 человек под наблюдением инспектора или его помощника посещали Краевой музей, драмтеатр, кино, а также городской лекторий общества по распространению политических и научных знаний [l]. При ознакомлении с одним из отчётов Фёдорова работники Совета были удивлены, что руководство семинарии выбрало для посещения в городском лектории такие темы как: « Христианство и его сущность », « Наука и религия о происхождении человека ». В тексте доклада это место подчеркнуто и на полях поставлен знак вопроса. А вот лекция на тему « Жизнь и деятельность Пирогова » никаких подозрений не вызвала [li]. Если бы Карпов вспомнил, что знаменитый ученый был известен как глубоко верующий человек, он мог бы догадаться, что посещения семинаристами в Ставрополе городского лектория стали завуалированными уроками апологетики. Не случайно на эти лекции студентов всегда сопровождали ректор или инспектор семинарии: их живой комментарий, привязанный к реальному материалу, ярко и надолго запоминался будущим пастырям.

Более понятными для работников Совета были количественные показатели: за 2 года семинария выросла ещё в 2 раза. На 1 сентября 1956 г. в 4-х классах учился 91 человек (эти данные в докладе Фёдорова подчеркнуты красным карандашом). В 1-м классе училось 35 человек, во 2-м классе – 25 человек, в 3-м классе – 18 человек и 4-м классе – 13 человек. Из бесед с поступающими в семинарию уполномоченный выяснил, что священники в течение определённого времени проводили с ними беседы, « склоняя и подготавливая молодежь к поступлению в семинарию » (фраза подчеркнута карандашом) [lii]. Например, молодой выпускник СтДС священник Василий Афонин за 2 года направил в семинарию 6 человек в возрасте 18-19 лет и с образованием не ниже 7 классов, он же привлек к богослужебным послушаниям группу учащихся 15-16 летнего возраста, предполагая в будущем послать их в семинарию. Внимание Совета привлек тот факт, что из 24 человек, подавших на 13 июля 1957 г. заявления о поступлении в семинарию, « 9 человек, учась в школе, прислуживали в церкви » (подчеркнуто карандашом) и подготавливались под руководством священников для поступления в семинарию [liii]. Через год эта информация определит стратегию Совета в отношении духовных школ.

А пока семинария более тесно сталкивалась с противодействием местных властей. Рост числа учащихся обострил давнюю проблему нехватки помещений: уже в конце 1953/54 уч. г. инспектор докладывал на педсовете: « Общежитие Семинарии состоит из нескольких комнат, плохо приспособленных для общежития и по размерам абсолютно недостаточных для размещения наличного количества учащихся. При общежитии нет места ни для санизолятора, ни для медицинского обслуживания, ни для помещения лиц, кои могли бы осуществлять постоянный нормальный надзор над учащимися, ни уголка для чтения газет и журналов. Нет

даже подходящего места для умывальника и склада продуктов. Кровати стоят очень тесно. Несколько кроватей, не вместившихся в спальне, пришлось поставить в небольшой темной комнате, служащей одновременно складом различных вещей; в этой же комнатке стоят керосиновые лампы и уютится библиотека. Вдобавок ко всему, общежитие находится не в одном месте, а в двух разных домах на разных улицах города, что, при отсутствии при общежитии комнат для воспитательского персонала делает невозможным постоянное наблюдение за воспитанниками. Учительская, канцелярия, бухгалтерия втиснуты в одну небольшую комнату, где негде бывает повернуться [liv]. Все ходатайства Правления Семинарии: о разрешении постройки на территории Семинарии каменного дома или [finских домиков], о приобретении расположенного по соседству здания детского сада, о получении этого здания на условиях постройки за счёт Семинарии большего и лучшего помещения в другом месте, – были отклонены.

Резолюция архиерея по этому вопросу гласила: [19 марта 1954 г. ...Не откладывая ходатайства перед кем следует, о постройке нового здания для общежития учеников, что, конечно, весьма проблематично, поручается теперь же Правлению Семинарии попутно подыскивать готовые участки с жилыми зданиями для постройки такого, что лучше и скорее могло бы обеспечить интересы Семинарии [lv]. Руководство семинарии так и поступило: для общежития было приобретено частное домовладение за 170 000 руб., и поставлен вопрос о строительстве семинарского городка. Однако Горсовет 4 раза выносил постановления об отводе земельного участка под строительство и все 4 раза эти постановления отменял. Причиной послужило то, что ряд руководящих работников Крайисполкома и Крайкома КПСС сочли [крайне не желательным строительство общежития семинарии и целесообразным перевод её за пределы края] [lvi]. После ряда бесплодных попыток возобновить проект строительства семинарского городка, в начале 1956 г. ректор получил окончательный отказ [lvii]. Тогда администрация семинарии за лето произвела перестройку имеющегося домовладения на сумму свыше 100 000 руб. Ответом местных властей в начале 1957 г. стало решение о сносе этого здания без предоставления семинарии какой-либо компенсации [lviii].

4 октября 1958 г. с подачи отдела пропаганды и агитации было принято секретное постановление ЦК КПСС, предписывавшее всем партийным, общественным организациям и государственным органам развернуть наступление на [религиозные пережитки] [lix]. Ровно через 2 месяца – 4 декабря 1958 г. – в Ставрополе был назначен новый уполномоченный Совета – А. М. Нарижный [lx].

В рамках наступления на Церковь была развёрнута бешеная кампания против духовных школ. К 1958 г. они достигли пика своего развития за послевоенный период: в 8 семинариях и 2 академиях обучалось около 2000 человек [lxi]. Возобновились массовые призывы в армию: в 1958/59 уч. г. из Ставропольской Духовной Семинарии было призвано 10 человек [lxii], а в 1959/60 – 14 человек [lxiii]. Было запрещено привлекать к богослужебным послушаниям детей и подростков до 18-ти лет, а также [вести подготовку молодежи в церквях и монастырях для поступления в духовные учебные заведения] [lxiv]. В 1959 г. Совет по делам Русской

Православной Церкви разработал и направил в ЦК предложения о духовных учебных заведениях. В частности, предлагалось слияние небольших семинарий [Ixv].

1959/60 уч. г. стал роковым для послевоенной системы духовного образования: в том числе, для Ставропольской Духовной Семинарии. Началась кампания с того, что время подачи заявлений на поступление было ограничено 1 августа. Списки абитуриентов сдавались в Совет по делам Русской Православной Церкви, а оттуда рассылались уполномоченным на места для обработки юношей. Оставшийся месяц был использован по максимуму, и к 1 сентября 1959 г. лишь 2 из 8 духовных семинарий смогли укомплектовать первые курсы. В письме Карпову патриарх Алексей назвал «историю с приёмом» в духовные семинарии и академии «беспрецедентной» [Ixvi].

Для Ставропольской Духовной Семинарии 1959/60 уч. г. начался волной газетной травли. Сигнал дала центральная пресса: 5 сентября 1959 г. в «Советской России» была опубликована статья «В «святых» тенетах (правда о Ставропольской духовной семинарии)». 24 сентября новая статья под названием «В «святых» тенетах» появилась уже в «Ставропольской правде». А 31 октября уже была сдана в набор нашумевшая на Ставрополье брошюра Туренской и Мелибеева под всё тем же знакомым заглавием: «Святые тенета (из жизни воспитанников и наставников Ставропольской Духовной Семинарии)». Эта клеветническая акция была направлена на дискредитацию духовной школы в глазах общественности и планировалась как своего рода подготовка к её закрытию.

Соответствующий «заказ» поступил и в органы госбезопасности. Повод не заставил себя долго ждать. По обвинению в совершении уголовного преступления был арестован некий Б. Щилин, незадолго до того принятый по рекомендации своего дяди-архитектора на должность завхоза семинарии. У следствия появилась возможность подвести руководство семинарии под статью о финансовых злоупотреблениях. Соответствующее определение суда было предрешено: «Через Щилина, а также некоторых других таких же ловких дельцов и махинаторов отцы семинарии скупали и стаскивали в духовную семинарию похищенные у государства строительные материалы... Рудецкий знал о незаконных сделках, не препятствовал им, а наоборот, всячески их поощрял» [Ixvii].

4 мая 1960 г. В. Куроедов добился от Патриарха Алексея I согласия на закрытие Киевской, Саратовской и Ставропольской духовных семинарий [Ixviii].

Закрытие нужно было провести «безболезненно», и ровно через неделю возобновилась затихшая было «газетная кампания». Открыла её статья «За стенами «святой обители», составленная на основе воспоминаний... Б. Щилина! Начинается она словами: «Это они привели меня на скамью подсудимых...» [Ixix]. Вину за свои преступления (заметим, что первоначально на скамье подсудимых Щилин оказался за изнасилование и убийство) уголовник возложил на архиепископа Антония, ректора протоиерея Михаила Рудецкого, инспектора Д. П. Огицкого и бухгалтера В. Зайцеву! Следующая статья, появившаяся

под одноименным названием 19 мая, принадлежала перу бывшего семинариста С. Сапиги[^[lxx]].

Заключительным этапом подготовки общественного мнения в мае 1960 г. должна была стать читательская конференция по книге В. Туренской «Святые тенета». Однако обречённая семинария не думала сдаваться без боя. В назначенный день семинаристы во главе с Д. П. Огицким прибыли в краевую библиотеку. К диспуту тщательно готовились, со словом защиты выступил студент Фёдор Максименко. Успех превзошёл ожидания. Впоследствии воспитанники послевоенной семинарии переписывали его речь от руки и бережно хранили как бесценное свидетельство победы Православия в неравной схватке с безбожной пропагандой.

Однако Учебный Комитет, поставленный перед фактом уже принятого советской властью решения, 8 июня 1960 г. постановил объединить Ставропольскую Духовную Семинарию с Саратовской[^[lxxi]]. В тот же день эта новость стала известна в Ставрополе: от архиепископа Антония и от педагогического коллектива были написаны 2 ходатайства о сохранении семинарии, 9 июня делегация выехала в Москву[^[lxxii]]. 16 июня Святейший Патриарх наложил на ходатайство владыки Антония резолюцию: «Назначается для выяснения этого вопроса комиссия в составе: профессора ЛДА А. И. Иванова, секретаря Учебного Комитета Протоиерея Матфея Стаднюка и по хозяйственно-техническим вопросам инженера Любимова В. Л. с участием представителя Ставропольской епархии по назначению Архиепископа Антония» [^[lxxiii]]. А 20 июня уже состоялся последний педсовет Ставропольской Духовной Семинарии с участием этой комиссии. Его решение повторяло формулировку, прозвучавшую 8 июня на заседании Учебного Комитета[^[lxxiv]].

Ставропольская Духовная Семинария была расформирована: 47 студентов, не успевших её окончить, были распределены в Саратовскую и Одесскую Духовные Семинарии[^[lxxv]]. Некоторые её воспитанники завершали своё обучение в Московской Духовной Семинарии. Всего за 14 лет из стен Ставропольской Семинарии вышли 102 выпускника (в том числе 20 (!) – в 1960 г.). Среди них был Александр Завгородний – будущий архиепископ Ставропольский и Бакинский Антоний, которому было суждено почти через 30 лет вновь возродить свою alma mater.

[i] ГАРФ. Ф.6991. Оп.2. Д.16. Л.88.

[ii] Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве: Государственно-церковные отношения в СССР в 1939 – 1964 годах. М., 1999. С. 333.

[iii] ГАСК. Ф.5171. Оп.1. Д.146. Л.1.

[iv] ГАРФ. Ф.6991. Оп.2. Д.34а. Л.4.

[v] ГАРФ. Ф.6991. Оп.2. Д.34а. Л.4; ГАСК. Ф.5171. Оп.1. Д.146. Л.2.

[vi] ГАРФ. Ф.6991. Оп.1. Д.47. Л.69.

[vii] ГАСК. Ф.5171. Оп.1. Д.146. Л.11.

[viii] ГАРФ. Ф.6991. Оп.1. Д.49. Л.34.

[ix] ГАРФ. Ф.6991. Оп.1. Д.85. Л.124.

[x] Архив Московской Патриархии. Ф.1. Оп.4. Д.2158. Л.75об.

[xi] ГАСК. Ф.5171. Оп.1. Д.146. Л.72.

[xii] ГАСК. Ф.5171. Оп.1. Д.146. Л.74.

[xiii] См. Преображенский А. Открытие православной духовной семинарии в г. Ставрополе. // Журнал Московской Патриархии. 1946. №12. С.48-49.

[xiv] ГАСК. Ф.5171. Оп.1. Д.146. Л.13.

[xv] ГАСК. Ф.5171. Оп.1. Д.146. Л.37-38.

[xvi] ГАСК. Ф.5171. Оп.1. Д.155. Л.99.

[xvii] ГАСК. Ф.5171. Оп.1. Д.161. Л.15.

[xviii] Любящий отец // Ставропольский благовест. 2005. №7 (101). – С.7.

[xix] ГАСК. Ф.5171. Оп.1. Д.146. Л.34-35.

[xx] Шишкин Е.Н. Кавказский священноисповедник митрополит Антоний (Романовский): жизнеописание. Ставрополь, 2006. С. 77-78.

[xxi] Шишкин Е.Н. Кавказский священноисповедник митрополит Антоний (Романовский): жизнеописание. Ставрополь, 2006. С. 78.

[xxii] ГАСК. Ф.5171. Оп.1. Д.146. Л.59-60.

[xxiii] Любящий отец // Ставропольский благовест. 2005. №7 (101). – С.7.

Ср. Крест – дверь райская. Кавказский новомученик протоиерей Петр Сухонос, убиенный в Чечне: Жизнеописание и наставления, духовные наставники старца. / Сост. Г. Чинякова. М., 2000. С.15.

[xxiv] ГАСК. Ф.5171. Оп.1. Д.167. Л.123.

[xxv] ГАСК. Ф.5171. Оп.1. Д.167. Л.157.

[xxvi] Шишкин Е.Н. Кавказский священноисповедник митрополит Антоний (Романовский): жизнеописание. Ставрополь, 2006. С. 164.

[xxvii] ГАСК. Ф.5171. Оп.1. Д.170. Л.199.

ГАСК. Ф.5171. Оп.1. Д.172. Л.193 и др.

[xxviii] □ Жил не для себя, а для людей □ // Ставропольский благовест. 2004. № 11-12. – С.6.

[xxix] Шишкин Е.Н. Кавказский священноисповедник митрополит Антоний (Романовский): жизнеописание. Ставрополь, 2006. С. 82.

[xxx] Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь и Советское государство в 1943-1964 годах. От □ перемирия □ к новой войне. СПб., 1995. С. 155.

[xxxi] ГАСК. Ф.5171. Оп.1. Д.146. Л.7.

[xxxii] ГАСК. Ф.5171. Оп.1. Д.152. Л.94-98 и др.

[xxxiii] См. Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь и Советское государство в 1943-1964 годах. От [] перемирия [] к новой войне. СПб., 1995. С. 163 и 211.

[xxxiv] См. также: Чеха Н. Крестный путь отца Петра Сухоносова. М., 2001. С.17-18.

[xxxv] Любящий отец // Ставропольский благовест. 2005. №7 (101). – С.7.

[xxxvi] ГАСК. Ф.5171. Оп.1. Д.172. Л.116.

[xxxvii] ГАСК. Ф.5171. Оп.1. Д.172. Л.119.

[xxxviii] Акт об изъятии из семинарской библиотеки книг и отдельных статей // ГАСК. Ф. 5171. Оп. 1. Д. 152. Л. 80.

[xxxix] ГАСК. Ф.5171. Оп.1. Д.157. Л.43.

[xl] ГАСК. Ф.5171. Оп.1. Д.170. Л.18.

См. также: Преображенский А. Ставропольская Семинария в минувшем учебном году. // Журнал Московской Патриархии. 1952. №2. С. 59.

[xli] Шишкин Е.Н. Кавказский священноисповедник митрополит Антоний (Романовский): жизнеописание. Ставрополь, 2006. С.85-86.

[xlii] Огицкий Д. Юбилей Ставропольской Духовной Семинарии. // Журнал Московской Патриархии. 1957. №1. С. 24.

[xliii] ГАРФ. Ф.6991. Оп.1. Д.1124. Л.52.

[xliv] ГАРФ. Ф.6991. Оп.1. Д.1124. Л.38.

[xlv] ГАРФ. Ф.6991. Оп.1. Д.1124. Л.52.

[xlvi] ГАСК. Ф.5171. Оп.1. Д.170. Л.122.

[xlvii] ГАСК. Ф.5171. Оп.1. Д.150. Л.53.

[xlviii] ГАРФ. Ф.6991. Оп.1. Д.1124. Л.53.

[xlix] ГАРФ. Ф.6991. Оп.1. Д.1341. Л.56.

[l] ГАРФ. Ф.6991. Оп.1. Д.1124. Л.53; Д.1449. Л.41.

[ii] ГАРФ. Ф.6991. Оп.1. Д.1449. Л.20.

[iii] ГАРФ. Ф.6991. Оп.1. Д.1449. Л.39.

[iii] ГАРФ. Ф.6991. Оп.1. Д.1449. Л.40.

[iv] ГАСК. Ф.5171. Оп.1. Д.170. Л.94.

[iv] ГАСК. Ф.5171. Оп.1. Д.170. Л.95.

[Ivi] ГАРФ. Ф.6991. Оп.1. Д.1124. Л.54.

[Ivii] ГАРФ. Ф.6991. Оп.1. Д.1341. Л.45.

[Iviii] ГАСК. Ф.5171. Оп.1. Д.185. Л.28.

[Iix] Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве: Государственно-церковные отношения в СССР в 1939-1964 годах. М., 1999. С.363.

[Ix] ГАСК. Ф.5171. Оп.1. Д.150. Л.137.

[Ixi] Маслова И. И. Эволюция вероисповедной политики советского государства и деятельности Русской Православной Церкви: 1953-1991 гг.: Дисс. ... д-ра ист. наук. М., 2006. С. 89.

[Ixii] ГАСК. Ф.5171. Оп.1. Д.191. Л.200-220.

[Ixiii] ГАСК. Ф.5171. Оп.1. Д.196. Л.207.

[Ixiv] Чумаченко Т.А. Государство, православная церковь, верующие. 1941-1961 гг. М., 1999. С.210.

[Ixv] Маслова И. И. Эволюция вероисповедной политики советского государства и деятельности Русской Православной Церкви: 1953-1991 гг.: Дисс. ... д-ра ист. наук. М., 2006. С. 90.

[Iхvi] Чумаченко Т.А. Государство, православная церковь, верующие. 1941-1961 гг. М., 1999. С.210.

[Iхvii] Цит. по: Леденёв А. В лагеря уже не бросали. // Православный вестник Ставрополя. 1992. Январь. С.5.

[Iхviii] См. Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве: Государственно-церковные отношения в СССР в 1939-1964 годах. М., 1999. С. 376.

[Iхix] ГАСК. Ф.5171. Оп.1. Д.203. Л.59.

[Iхx] ГАСК. Ф.5171. Оп.1. Д.203. Л.64.

[Ixxi] ГАСК. Ф.5171. Оп.1. Д.201. Л.14.

[Ixxii] ГАСК. Ф.5171. Оп.1. Д.201. Л.20.

[Ixxiii] ГАСК. Ф.5171. Оп.1. Д.196. Л.122.

[Ixxiv] ГАСК. Ф.5171. Оп.1. Д.196. Л.117.

[Ixxv] ГАСК. Ф.5171. Оп.1. Д.201. Л.14.

